

— Не люблю я мясные лепешки, — Хуа Тянь исподлобья одарил верзилу лукавой, многообещающей улыбкой. — Уж лучше полакомиться зажаренной свининой.

Верзила опешил. Лишь спустя мгновение до него дошел смысл сказанного, и он прохрипел, заикаясь от злости:

— Ты... ты жить надоело?!

В тот же миг в воздухе со свистом взметнулась тяжелая дубина толщиной с бычье бедро. Как раз в это мгновение Цзянь Цзянь, наконец пришедший в себя, увидел занесенное оружие и закричал из последних сил:

— Хуа Тянь, берегись!

Этот крик отозвался в душах Лань Цзыцзюня и Чжун Ли немым эхом. И впрямь, справится ли Владыка ада? Не ровен час, его расплющит в лепешку — собирай его потом по кусочкам, а ведь восстанавливается божественная плоть ох как небыстро.

Впервые услышав собственное имя из уст Цзянь Цзяня, Хуа Тянь довольно расплылся в улыбке. Настроение его мгновенно взлетело до небес. Он шутя увернулся от сокрушительного удара — дубина с грохотом врезалась в землю, выбив глубокую яму. Но разъяренный великан не унимался: он снова и снова обрушивал град ударов, однако Хуа Тянь порхал вокруг него с поразительной легкостью, уклоняясь без малейших усилий.

— Ну что, дважды ты уже замахнулся, — протянул Хуа Тянь, лениво разглядывая тяжело дышащего громилу. — Теперь мой черед.

Пока присутствующие недоумевали, гадая, что он предпримет, Хуа Тянь небрежно извлек из-за пазухи флейту. Его пальцы стремительно забегали по отверстиям, и воздух наполнился чистой, задорной мелодией. Шум мгновенно стих. Верзила, точно замороженный, захлопал остекленевшими глазами и принялся неуклюже кружиться на одном месте. Вслед за ним в такт веселому мотиву заплясали и остальные разбойники. Даже Лань Цзыцзюнь с Чжун Ли не устояли — их тела невольно подчинились колдовскому ритму. Задний двор постоялого двора вмиг превратился в арену для нелепого, шутовского балета.

Финальная нота зазвенела натянутой струной, переходя в невыносимый, сверлящий уши свист. Как только стих последний отзвук, все, кроме невредимого музыканта, рухнули на землю. Из их ушей, ноздрей и глаз брызнула кровь. Корчась в агонии, люди катались по пыльной земле, оглашая двор дикими криками.

Не обращая внимания на истошные вопли и хрипы, Хуа Тянь неторопливо зашагал к Цзянь Цзяню, преспокойно переступая через бьющиеся в конвульсиях тела. Опустившись перед ним, он ласково заглянул ему в лицо:

— А ну-ка, позови меня еще раз.

— Хуа Тянь... Спасибо тебе, — едва слышно, словно писк комара, прошептал юноша.

Но Владыка ада уловил каждое слово.

— Ну всё, дело сделано! Пора и честь знать, возвращаемся, — Хуа Тянь потрепал по голове притихшего ворона Дахэя, который всё еще испуганно втягивал шею, и лучезарно улыбнулся.
— Брат Цзыцзюнь, Чжун Ли! Чего вы там разлеглись? Поднимайтесь давайте!

Пострадавшие, всё еще распластанные на земле, одарили его убийственными взглядами.

— Ты что, совсем без мозгов?! — простонал Чжун Ли, вытирая кровь под носом. — Неужели нельзя было обойтись без этого? Своих от чужих уже отличить не можешь?!

— Да ладно вам, я же любя, — хмыкнул Хуа Тянь. — Считайте это закалкой духа. Полезно иногда заглянуть в лицо смерти, развивает бдительность!

— Да пошел ты...

Кое-как добравшись до постоялого двора, изнуренные спутники без сил повалились на постели. Все обсуждения решили отложить до утра.

Цзянь Цзянь проснулся с первыми лучами солнца. Попытавшись шевельнуться, он оглядел себя — всё его тело было укутано бинтами, словно праздничный цзунцзы. Затем он повернул голову и замер. Рядом безмятежно спал Хуа Тянь. Губ Цзянь Цзяня коснулась робкая, нежная улыбка. Поддавшись неведомому порыву, он медленно протянул руку, желая коснуться пальцами его щеки.

Вдруг ресницы спящего дрогнули. Хуа Тянь с трудом приоткрыл заспанные глаза и первым же делом сонно пробормотал, потирая рукавом подбородок:

— Что, у меня опять слюни текут?

Напуганный, точно пойманный на месте преступления кролик, Цзянь Цзянь мгновенно отпрянул и с головой зарылся в одеяло.

— Сяо Цзяньцзянь, ты всё еще меня боишься? — Хуа Тянь потянулся было к одеялу, чтобы стащить его, но помедлил и мягко опустил руку.

В комнате воцарилась тишина. Спустя мгновение край одеяла медленно опустился, явив миру

пару круглых, блестящих глаз. Юноша пристально посмотрел на Хуа Тянь и решительно замотал головой:

— Нет. Больше никогда не буду бояться.

Улыбнувшись, Хуа Тянь протянул руку и ласково ущипнул его за теплую щеку.

— Вот и славно. Умывайся давай, пойдём вниз, позавтракаем.

Когда они спустились в общий зал, на столе уже исходил паром сытный завтрак. Лань Цзыцзюнь и Чжун Ли сидели на своих местах, а неподалеку, погруженный в собственные мысли, расположился Юй Цзыи.

— Ого, а это что за прелестный юноша к нам пожаловал? И откуда у нас такие утонченные гости? — беззлобно поддразнил Чжун Ли, заметив вошедшего.

Стоявший на ступенях Цзянь Цзянь густо покраснел до самых кончиков ушей и лишь смущенно опустил голову, пряча робкую улыбку.

Хуа Тянь тут же собственническим жестом заслонил юношу собой и, вздернув подбородок, высокомерно бросил:

— И нечего зубы скалить перед этим простофилей. Поглупеешь еще от его улыбки!

Чжун Ли лишь закатил глаза.

— Брат Юй, присоединяйся к нам, — Хуа Тянь по-дружески приобнял Юй Цзыи за плечи. В глубине души он всё же испытывал перед ним легкое чувство вины за вчерашний переполох.

— Благодарю, я уже сыт, — мягко ответил Юй Цзыи. Он не стал расспрашивать о вчерашнем погроме. Безумный блеск угас в его глазах, вернув ему прежнее благородное спокойствие истинного книжника. — Я пришел, чтобы обсудить дальнейшие действия. Позвольте спросить, а кто этот молодой человек? — его взгляд невольно задержался на Цзянь Цзяне.

— А это как-то связано с делом? — недовольно буркнул Хуа Тянь, тут же шагнув в сторону и загородив собой Цзянь Цзяня от чужого любопытства.

— Вовсе нет. Просто у вашего спутника весьма... примечательная внешность, вот я и не удержался от вопроса, — заметив собственническую реакцию Хуа Тяня, Юй Цзыи понимающе прищурился и тактично отвел взгляд.

— Тогда давай ближе к делу, некогда нам ласы точить. Мы с тобой не настолько близки, чтобы светские беседы вести, — фыркнул Хуа Тянь, напустив на себя суровый вид.

— Вы ведь по-прежнему намерены подняться на гору Шэрао? — посерьезнел Юй Цзыи.

— Намерены, — коротко подтвердил Хуа Тянь.

— Формация Затерянного Розмарина, охраняющая подступы к горе, невероятно коварна. Простым смертным её не одолеть. Но я времени даром не терял и отыскал нескольких странствующих даосов. Быть может, их чары сумеют пробить брешь в этой преграде, — Юй Цзыи уверенно скрестил руки на груди; было видно, что план он продумал до мелочей.

Хуа Тянь вопросительно взглянул на Лань Цзыцзюня. Тот на мгновение задумался и кивнул:

— Стоит попробовать.

Вскоре вся компания вновь стояла у подножия горы Шэрао. На этот раз их сопровождала живописная кавалькада бродячих магов и заклинателей в потрепанных даосских облачениях.

— Приступайте, — скомандовал Юй Цзыи.

Даосы тут же принялись наперебой демонстрировать свое мастерство. Подножие безмолвной горы вмиг превратилось в ярмарочную площадь: повсюду взрывались и тлели бумажные талисманы, засыпая траву серым пеплом, а истошное бормотание заклинаний сливалось в такой оглушительный гул, перед которым померк бы самый шумный базар.

— Кхе-кхе!.. Брат Юй, ты уверен, что эти твои шарлатаны на что-то способны? — закашлялся Хуа Тянь, зажимая нос ладонью от едкой гари.

Юй Цзыи прижал к лицу шелковый платок. Его взгляд оставался мрачным и устремленным вперед — то ли он действительно не расслышал вопроса из-за поднявшегося шума, то ли попросту предпочел промолчать.

Прошло совсем немного времени, как один из даосов с истошным воплем рухнул навзничь. Его глаза закатились, изо рта пошла пена, а сам он, содрагаясь всем телом, безумно забормотал:

— Слишком... слишком зловещая сила! Нам не совладать!

Лицо Юй Цзыи потемнело еще сильнее. Решив не искушать судьбу, Хуа Тянь не стал донимать его расспросами и тихонько попятился назад, подальше от этого нелепого сборища горе-волшебников.

К исходу дня незадачливых магов одного за другим уносили на носилках. Кое-кто из них еще пытался слабо шевелить губами, упрямо бормоча: «Я... я завтра вернусь... уж тогда-то точно...» — но лишился чувств прямо на полуслове.

Солнце перевалило за полдень. Четверо спутников уныло сидели у каменного стола в полном молчании.

— Пожалуй, пора призвать Императора Хуагая, — наконец нарушил затянувшуюся тишину Лань Цзыцзюнь.

— Вот именно, Хуагая! — тут же подхватил Хуа Тянь. — Знал бы я, что эта затея Юй Цзыи окажется пустышкой, давно бы его кликнул. Весь день псу под хвост!

Остальные невольно обернулись в сторону Юй Цзыи — тот с завидым упрямством всё еще расхаживал перед преградой, пытаясь руководить остатками своего «войска».

— Идемте отсюда, вернемся в город и свяжемся с Хуагаем, — скомандовал Хуа Тянь, увлекая друзей за собой.

— А как же Юй Цзыи? — спросил Чжун Ли.

— Оставь его. Пусть развлекается, если охота. С меня хватит этого цирка.

Вернувшись под сень Красного терема, Хуа Тянь устроился поудобнее, прикрыл глаза и высвободил свой духовный разум. Его безмолвный призыв устремился сквозь бескрайние просторы, отыскивая находящегося за тысячи ли Императора Хуагая.

Получив послание, Император Хуагай не заставил себя долго ждать. Прошло совсем немного времени, и его величественная фигура соткалась из воздуха прямо у дверей Палаты Возвращения Весны.

— Ах, какой статный господин! Заходите же, не стесняйтесь! — завидев столь роскошного и богато одетого гостя, хозяйка заведения, матушка Сюй-нян, так и расплылась в притворно-сладкой улыбке, кокетливо виляя бедрами и пытаясь прильнуть к его плечу.

Перепуганный таким напором Император Хуагай принялся поспешно отпихивать навязчивую сводню. Он застыл на пороге в крайнем замешательстве, соображая, стоит ли вообще переступать порог столь сомнительного вертепа.

— Любезная тетушка, — робко начал Хуагай, отчаянно жестикулируя. — Скажите, не здесь ли остановился молодой господин по имени Хуа Тянь? Он такой... бледноватый лицом, весьма острый на язык, ростом мне примерно по переносицу, а на ладони у него есть родинка, совсем крошечная, едва заметная...

Император Хуагай вылил на нее целый ушат нелепых подробностей, но до глубины души уязвленная Сюй-нян расслышала лишь самое первое слово.

— Какая я тебе тетушка, олух?! — взвизгнула она, оскорбленно поджав губы. — Язык у тебя, милейший, без костей! Наше заведение — не справочное бюро, ищи своих дружков в другом месте!

Крутнувшись на каблуках, разгневанная женщина скрылась в глубине Палаты Возвращения Весны. С такими «ценителями красоты» она дел иметь не желала.

Оставшись в полном одиночестве на людной улице, Император Хуагай растерянно захлопал ресницами. Беспомощно замерев перед яркой вывеской веселого дома, великий бессмертный совершенно не представлял, что ему делать дальше.

<http://bllate.org/book/18412/1796484>